

М. М. САФОНОВ

ПРОТОКОЛЫ НЕГЛАСНОГО КОМИТЕТА

Так называемые протоколы Негласного комитета, начавшего свои тайные заседания под председательством Александра I через три с половиной месяца после его воцарения, важны как источник, отражающий обсуждение внутривполитических проблем периода заигрывания с либерализмом, главнейшими из которых являлись реформа Сената, учреждение министерств, аграрно-крестьянское законодательство. Вместе с тем протоколы отражают историю Негласного комитета, самое существование которого представляло собой весьма любопытное явление политической жизни России в первые годы XIX в.

Изучение протоколов Негласного комитета в любом из этих аспектов предполагает их источниковедческий анализ. Первая публикация протоколов представляла собой пересказ М. И. Богдановичем содержания данного памятника с включением переведенных на русский язык отдельных цитат.¹

Данный археографический прием, заключавший в себе немалую долю авторской интерпретации, исключал возможность источниковедческого анализа этого памятника. Широкое использование в научной литературе выполненной великим князем Николаем Михайловичем на языке подлинника публикации полного текста протоколов Негласного комитета² сопровождалось лишь отдель-

¹ Богданович М. И. Извлечение из «Заседаний комитета» 1801 г. — Вестник Европы, 1866, т. I, с. 172—194. — В более полном варианте см.: Извлечения из «Заседаний Неофициального комитета». — В кн.: Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время, т. I. СПб., 1869, Приложения, с. 38—91.

² Conférences avec l'Empereur, 1801; Séances du Comité, 1802. — В кн.: Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I, т. II. СПб., 1903, с. 59—243. — Далее все ссылки даются на эту публикацию, указывается лишь дата протокола и страница.

ными замечаниями источниковедческого характера,³ не заменяющими их всесторонней источниковедческой характеристики.

Существенная особенность этих протоколов обуславливается полуофициальным характером Негласного комитета, представлявшего собой тесное содружество интимных друзей императора, провозгласивших своей целью «реформу бесформенного здания государственного управления».

Полуофициальное положение Негласного комитета, существование которого в начальный период его деятельности тщетно пытались скрыть его члены, имело следствием полное отсутствие официальной документации этого органа.

Однако один из его членов, П. А. Строганов, оставил любопытные записи заседаний Негласного комитета. Составление этих записей не было вызвано возложением на Строганова обязанностей секретаря комитета, оно обуславливалось склонностью Строганова, засвидетельствованной наличием в его архиве материалов аналогичного характера,⁴ вести дневниковые записи об интересующих его предметах, среди которых тайные совещания под председательством императора занимали далеко не последнее место. Поэтому строгановские записи лишь весьма условно могут быть названы протоколами Негласного комитета. Внешнее оформление этих записей, большое количество помарок, отсутствие стилистической обработки, наконец, обилие грамматических ошибок, не позволяющих перевести на русский язык некоторые фрагменты,⁵ исключают возможность представления этих записей императору и свидетельствуют об их личном характере. Поскольку составление записей заседаний, не будучи официальной обязанностью, всецело зависело от воли и желания Строганова, то его отсутствие на заседании, недостаток времени и целый ряд различных обстоятельств могли препятствовать составлению протокола.

Этой особенности протоколов Негласного комитета в научной литературе не придавалось должного значения. Все исследователи исходили из априорного положения, что время существования Негласного комитета, а также количество его заседаний могут быть определены по его протоколам. Поскольку первый протокол датирован 24 июня 1801 г.,⁶ а последний — 12 мая 1802 г.⁷

³ Тельберг Г. Г. Сенат и «право представления на высочайшие указы». — ЖМНП, 1910, январь, с. 13, 32, 51; Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.—Л., 1957, с. 91—92.

⁴ См.: Журнал моих упражнений в Сенате. — ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 12; Дневник без заглавия, отражающий интерес Строганова к кораблестроению. — Там же, ед. хр. 55, и др.

⁵ Приносим глубокую благодарность тонкому знатоку французского языка, П. Л. Крючкович, просвещенное содействие которой во многом способствовало появлению данной статьи.

⁶ Résultat d'une conférence avec l'Empereur le 24 Juin, 1801, с. 61—64.

⁷ Séance du 12 Mai 1802, с. 223—230.

и, кроме того, сохранились еще четыре записи заседаний октября—ноября 1803 г.,⁸ принято считать, что Негласный комитет в период 24 июня 1801 г.—12 мая 1802 г. действовал регулярно, затем, прервав свои заседания на полтора года, собрался осенью 1803 г. всего четыре раза, после чего вовсе прекратил свое существование.⁹ Между тем как анализ самих протоколов, так и привлечение переписки членов комитета позволяют усомниться в правильности общепринятой точки зрения.

Специфика Негласного комитета как полуофициального органа весьма затрудняет определение количества состоявшихся заседаний, без чего невозможно решить вопрос, соответствует ли ему количество сохранившихся протоколов. Вместе с тем, основываясь именно на этой специфике, можно предпринять попытку решения данного вопроса.

С одной стороны, стремление членов Негласного комитета сохранить в тайне его существование привело их к мысли проводить заседания после обеда у императора, — присутствие на обеде его «молодых друзей» не могло вызвать подозрений двора. Поскольку камер-фурьер отмечал присутствовавших за столом, то дни заседаний Негласного комитета (в тот период его деятельности, когда пытались скрыть его существование) оказались отраженными в камер-фурьерском журнале. Хотя не все обеды с присутствием «молодых друзей» влекли за собой заседания, но все заседания были предварены обедами. Отделить первые от последних позволяет закономерность, прослеживаемая в датах строгановских записей при всей кажущейся на первый взгляд их бессистемности. Эта закономерность состоит в том, что заседания, как правило, происходили еженедельно по понедельникам (за исключением экстренных).

С другой стороны, особенность протоколов Негласного комитета заключается в том, что упоминания о повестке дня или дате следующего заседания связывают их друг с другом.

Принимая во внимание вышеотмеченные обстоятельства, можно обнаружить не связанные между собой протоколы. Если один из них упоминает о повестке дня следующего заседания, а другой, отделенный от первого более чем недельным сроком, заключающим в себе понедельник, в который «молодые друзья» обедали в царской резиденции, трактует совсем другие вопросы, можно высказать предположение о существовании незапротоколированного заседания.

⁸ Séance du 26 Octobre 1803, с. 231—234; Séance du 27 Octobre 1803, с. 235; Séance du 4 Novembre 1803, с. 236—240; Séance du 9 Novembre 1803, с. 241—243.

⁹ Богданович М. И. История царствования императора Александра I..., т. I, с. 91; Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897, т. II, с. 273; Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов..., т. II, с. XXI; Предтеченский А. В. Очерки..., с. 208, и др.

Исходя из этого, можно утверждать, что все заседания, имевшие место с 24 июня 1801 г. по 12 мая 1802 г., за исключением периодов 6—20 января, 10 февраля—10 марта, 31 марта—11 апреля, 21 апреля—5 мая, нашли отражение в протоколах Негласного комитета. Поскольку протоколы 6 января и 31 марта не содержат упоминаний о повестке дня следующих заседаний¹⁰ и отсутствие их связи с протоколами 20 января и 11 апреля могло быть вполне естественным, то ничего определенного о существовании незапротоколированных заседаний сказать невозможно. Что же касается отсутствия протоколов за целый месяц с 10 февраля по 10 марта, то едва ли оно явилось следствием месячного перерыва в заседаниях Негласного комитета. Это кажется особенно маловероятным, если учесть, что именно в этот период значение Негласного комитета увеличилось. В самом деле, еще до начала работы Негласного комитета, провозгласив своей целью «улучшение администрации», «молодые друзья» были вынуждены более полугода заниматься другими вопросами, вносившимися Александром. Только 3 февраля 1802 г. император изъявил желание приступить к обсуждению плана административных реформ.¹¹ Через неделю этот план, представленный А. Чарторижским, был прочитан на заседании Негласного комитета. Поскольку программа намеченных реформ получила одобрение Александра, было решено обсудить ее на следующем заседании.¹² Однако ни протокол заседания 10 марта, ни протоколы последующих заседаний не содержат сведений об обсуждении записки Чарторижского, весьма важных для понимания политической программы «молодых друзей», которая, как будет показано ниже, остается недостаточно выясненной. Обсуждение практических сторон организации министерств, отраженное в протоколе 10 марта,¹³ свидетельствует, что к этому времени работа над административной реформой уже прошла стадию обсуждения общих принципов реформы, вступив в стадию ее конкретной разработки. Принимая во внимание, что Негласный комитет не мог заниматься конкретной разработкой реформы без предварительного обсуждения ее общих принципов, проведение которого в протоколе 10 февраля назначено на следующее заседание (т. е. на 17 февраля), учитывая, что в период 10 февраля—10 марта «молодые друзья» два понедельника подряд (17 и 24 февраля) обедали в Зимнем дворце,¹⁴ можно считать, что состоялось по крайней мере одно, но весьма важное незапротоколированное заседание.

¹⁰ Séance du 6 Janvier 1802, с. 163—165; Séance du 31 Mars 1802, р. 203—207.

¹¹ Séance du 3 Février 1802, с. 175.

¹² Séance du 10 Février 1802, с. 179.

¹³ Séance du 10 Mars 1802, с. 183—184.

¹⁴ Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1802, январь—июнь. СПб., 1902, с. 144, 155 (далее — КФЖ).

На такую же мысль наводит и протокол заседания 21 апреля, на котором было решено обсудить на следующем заседании вопрос о посылке доверенного лица в польские провинции.¹⁵ Однако протокол следующего заседания, которое должно было состояться 28 апреля,¹⁶ отсутствует.

Если в данном случае отсутствие протокола, возможно, свидетельствует о том, что заседание не состоялось, то протокол 12 мая исключает эту возможность. На полях протокола 12 мая, излагающего содержание 5 записок, прочитанных в этот день в Негласном комитете, сделана приписка Строганова: «Эта записка № 5 была прочитана лишь на следующем заседании, только по ошибке она помещена сюда».¹⁷ Поскольку протокол 12 мая является последним протоколом 1802 г., то данная приписка означает, что после 12 мая состоялось по крайней мере еще одно заседание, оставшееся незапротоколированным.

Один из членов Негласного комитета Чарторижский в своих мемуарах писал, что послеобеденные совещания «были прерваны»¹⁸ поездкой императора в Мемель (20 мая—22 июня 1802 г.).¹⁹ Дата последнего протокола 1802 г. близка к дате поездки Александра, поэтому прекращение составления протоколов Негласного комитета скорее всего было вызвано поездкой Александра, после которой Строганов, уже с февраля 1802 г. нерегулярно ведший свои записки, не возобновил их. Продолжение заседаний после возвращения императора засвидетельствовано Чарторижским, отметившим даже увеличение влияния Негласного комитета именно в это время.²⁰ Кроме того, о существовании незапротоколированных заседаний после 12 мая 1802 г. свидетельствует любопытное письмо одного из членов Негласного комитета — В. П. Кочубея. В недатированном письме к Строганову Кочубей писал: «Я посылаю Вам проект секретной инструкции с некоторыми изменениями, которые я сделал вследствие ее обсуждения в нашем последнем комитете. . . Вот несколько бумаг, которые остались у меня вчера, и проект указа, разрешающего дворянству заниматься торговлей».²¹

После образования Комитета министров (8 сентября 1802 г.), членами которого стали «молодые друзья», употребление в их переписке слова «комитет» могло означать и Комитет министров. Но, поскольку в журналах последнего нет сведений о подготовке

¹⁵ Séance du 21 Avril 1802, с. 248.

¹⁶ В понедельник 28 апреля «молодые друзья» обедали у императора (КФЖ, 1802, январь—июнь, с. 243).

¹⁷ Séance du 12 Mai 1802, с. 229.

¹⁸ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. I. М., 1912, с. 256.

¹⁹ КФЖ, 1802, январь—июнь, с. 292, 350.

²⁰ Мемуары князя Адама Чарторижского. . . , т. I, с. 262.

²¹ Кочубей — Строганову, б. д. — В кн.: Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов. . . , т. III, с. 181.

упоминаемого в письме указа,²² то несомненно, что в данном письме речь шла о заседании Негласного комитета. В письме Кочубей упоминает о том, что он увидит Г. Р. Державина в Совете. Учитывая, что Державин был членом Совета с 22 сентября 1802 по 21 сентября 1803 г.,²³ можно считать, что упоминаемое в письме незапротоколированное заседание Негласного комитета состоялось между этими датами.

Появление протоколов, относящихся к осени 1803 г., не следует рассматривать как свидетельство возобновления заседаний после полугодового перерыва, ибо анализ этих протоколов вскрывает их случайный характер.

В самом деле, из четырех записей 1803 г. только две могут быть отнесены к протоколам Негласного комитета. Заголовки, под которыми записи, помеченные 27 октября и 4 ноября, появились в печати,²⁴ не принадлежат им. Заголовки рукописи «27 Oct. 1803 Mardi» и «4 Nov. 1803. Education militaire»²⁵ вполне оправданны, ибо содержание этих рукописей не может быть определено как «Séances» Негласного комитета. Так же озаглавлены и две другие записи, только запись 9 ноября имеет пометку, не воспроизведенную в публикации «Séance du petit comité», а изложению заседания 26 октября предпослана фраза: «у нас состоялось заседание у императора в маленьком комитете».²⁶ К записи заседания 26 октября, очень сжато излагающей суть вопроса, приложена записка «Мое мнение о деле малороссийских казаков...», имеющая пометку Строганова: «В этом смысле я говорил в нашем маленьком комитете у императора 26 октября», а также очень небрежно написанная карандашом «Выписка доклада Сената о казаках и их землях 1770 года».²⁷

Столь необычное оформление записи 26 октября, содержание записей 27 октября и 4 ноября, пометка на записи 9 ноября, наконец, наличие в строгановском архиве аналогично оформленных, посвященных тем же вопросам, но не связанных с заседаниями Негласного комитета материалов²⁸ свидетельствуют, что не стремление Строганова как можно полнее отразить в своих записях деятельность Негласного комитета было причиной их появ-

²² Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I, 1802—1826, т. I. СПб., 1888, с. 9—48. — В строгановском архиве сохранилась записка «О распространении права торговли на дворянство» (ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 49, л. 1—4 об.).

²³ Архив Государственного совета, т. III, ч. I. СПб., 1878, стлб. V.

²⁴ Séance du 27 Octobre 1803, Mardi, с. 235; Séance du 4 Novembre 1803, с. 236.

²⁵ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 12, л. 77, 78.

²⁶ 26 Octobre 1803, Lundi. — ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 42, л. 67; 9 Novembre 1803. — Там же, л. 92.

²⁷ Séance du 26 Octobre 1803, с. 232—234.

²⁸ 21 Octobre 1803. — ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 47, л. 62—68; 24 Octobre 1803, Samedi. — Там же, ед. хр. 57, л. 63; По делу о землях донских казаков. — Там же, ед. хр. 48, л. 78—86.

ления. Строганов счел нужным записать для себя интересующие его вопросы, а поскольку часть из них обсуждалась в Негласном комитете, два заседания последнего оказались зафиксированными.

Таким образом, отсутствие протоколов в период 12 мая 1802 г. — 26 октября 1803 г. не свидетельствует о прекращении заседаний Негласного комитета, так же как и последний сохранившийся протокол заседания 9 ноября 1803 г. не означает, что данное заседание было последним. В мемуарах Чарторижского, обрывающихся на событиях 1805 г., ничего не говорится о прекращении деятельности Негласного комитета. Более того, рассказывая о внешнеполитических акциях России 1803—1805 гг., Чарторижский постоянно упоминает об их выработке в кругу «молодых друзей».²⁹

Из хорошо известного факта причастности членов Негласного комитета к разработке и осуществлению внешнеполитической программы России 1803—1805 гг. исследователи не делали заключения о продолжении заседаний Негласного комитета. Между тем 27 октября 1804 г. П. А. Строганов в письме к Н. Н. Новосильцеву, который был послан в Англию как член Негласного комитета,³⁰ сообщал: «Мы имели недавно заседание (*une Séance*, — *M. C.*) у императора».³¹ Из этого следует, что факт продолжения заседаний Негласного комитета и в 1804 г. можно считать установленным. Причина отсутствия у Чарторижского упоминаний о времени прекращения заседаний Негласного комитета, вероятно, кроется в том, что повествование о событиях, в которых принимали участие «молодые друзья», представляется вообще незаконченным, ибо, бегло упомянув о содействии Новосильцева намерению Александра улучшить положение крестьян и о редактировании в связи с этим первого указа о крестьянах, Чарторижский пообещал еще вернуться к этим сюжетам, но это обещание так и осталось неисполненным.³²

Сохранившаяся переписка Александра I с Чарторижским позволяет восстановить то, о чем последний умалчал в своих мемуарах. В марте 1806 г. Чарторижский обратился к Александру с предложением для выработки устойчивого внешнеполитического плана образовать «комитет или тайный совет», на котором сверх совещательных функций лежала бы «обязанность приводить в исполнение выработанные в нем меры».³³ Аргументируя свое предло-

²⁹ «Общее направление умов в Европе отразилось и на России и увлекло за собой императора и его неофициальный комитет» (Мемуары князя Адама Чарторижского..., т. I, с. 353; см. также с. 332, 333, 335, 348).

³⁰ Мемуары князя Адама Чарторижского..., т. I, с. 335.

³¹ Строганов — Новосильцеву, 27 ноября 1804 г. — В кн.: Пыпин А. Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871, с. 118.

³² Мемуары князя Адама Чарторижского..., т. I, с. 284.

³³ Записка о настоящем положении России. — В кн.: Мемуары князя Адама Чарторижского..., т. II, с. 87.

жение, Чарторижский доказывал царю, что выход из того трудного положения, в котором страна оказалась после Аустерлица, заключался в восстановлении единства правительственной деятельности, уничтожение которого и было основной причиной несчастий России. Чарторижский писал: «До войны в ходе правительственных дел существовало известного рода единство, так как в. и. в. удастайвали некоторым доверием известное число лиц, с которыми Вы обычно советовались и обсуждали дела до принятия по ним решений».³⁴ Уничтожение этого единства Чарторижский относил ко времени отъезда Александра из Пулав (сентябрь 1805 г.), родового имения Чарторижского, когда император «удалил от себя лиц, пользовавшихся до того времени его доверием, бывших в курсе всех дел», после чего «лица, выработавшие... прежний план, не созывались вновь, чтоб совместно обсудить и придумать средство лучше и успешнее довести его до конца».³⁵

Едва ли можно сомневаться в том, что, говоря о лицах, окружавших царя, Чарторижский имел в виду «молодых друзей». Неудивительно, что 11 ноября 1806 г. Чарторижский вместе с Новосильцевым, представил Александру записку, содержащую предложение выработать план спасения России.³⁶ действовал от имени «молодых друзей». В письме, сопровождавшем записку, Чарторижский писал: «Прежний Комитет общественного спасения, прекративший свое существование (*tombé en désuétude*), горячо желал бы собраться, чтоб представить в. и. в. мысли о тревожном кризисе, в котором находится Россия».³⁷ Хотя Александр не разделял идей, высказанных в записке, предложение членов Негласного комитета собраться вновь не вызвало у него возражений,³⁸ о чем он письменно уведомил Чарторижского. В ответном письме Чарторижский отметил, что одного заседания «так называемого Комитета» будет недостаточно, и, подчеркнув в связи с этим нежелание злоупотреблять вниманием императора, выразил вместе с тем готовность «молодых друзей» к совместной работе с Александром, если он пожелает собрать их.³⁹ Настойчи-

³⁴ Чарторижский — Александру I, 22 марта 1806 г. — В кн.: Мемуары князя Адама Чарторижского..., т. II, с. 88—89.

³⁵ Чарторижский — Александру I, апрель 1806 г. — В кн.: Мемуары князя Адама Чарторижского..., т. II, с. 107, 108, 109, 120, 121.

³⁶ Записка трех товарищей министров императору Александру I. — Русская старина, 1894, с. 212—216. — В копии строгановского архива есть пометка о том, что записка была подписана только Новосильцевым и Чарторижским (ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 42, л. 65—73 об.).

³⁷ Чарторижский — Александру I, 11 (23) ноября 1806 г. Копия. — ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 42, л. 74.

³⁸ Александр I — Чарторижскому, 12 (24) ноября 1806 г. — В кн.: Мемуары князя Адама Чарторижского..., т. II, с. 148—149. — Датируется по копии строгановского архива: ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 42, л. 75—76.

³⁹ Чарторижский — Александру I, 13 (25) ноября 1806 г. — ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 42, л. 77 об.

вось «молодых друзей» произвела некоторое впечатление на царя, и он согласился обсудить предложения Чарторижского и Новосильцева. «Если хотите, — писал Александр, — то мы можем собраться (я подразумеваю наш «маленький комитет») завтра после обеда в шесть часов; мы составим сообща этот план и затем обсудим его».⁴⁰ Однако вечером этого же дня в беседе с Новосильцевым Александр уже проявлял колебания относительно назначенного на 15 ноября послеобеденного совещания, и Чарторижский был вынужден просить царя известить его, состоится ли намеченное заседание Негласного комитета, или же оно будет перенесено на другой день.⁴¹

Трудно сказать, к какому результату привело заседание Негласного комитета, о котором идет речь в этих письмах, и состоялось ли оно вообще. Однако едва ли можно сомневаться в том, что данная переписка наряду с любопытной попыткой «молодых друзей» возродить в 1806 г. Негласный комитет засвидетельствовала вместе с тем неоспоримый факт их весьма активной деятельности, продолжавшейся до сентября 1805 г.

Итак, по всей вероятности, кружок «молодых друзей», именовавший себя Негласным комитетом, проводил свои заседания с 24 июня 1801 г. по сентябрь 1805 г., причем не исключено, что его существование было и более долгим. Однако, насколько регулярный характер носили заседания Негласного комитета в период 12 мая 1802 г.—сентябрь 1805 г., определить весьма сложно. С одной стороны, сохранившиеся протоколы 1803 г. свидетельствуют, что заседания Негласного комитета продолжали происходить так же, как и в 1801—1802 гг., по понедельникам,⁴² с другой стороны, в отличие от прежних лет совместный обед уже не являлся обязательным условием заседания Негласного комитета, ибо только одному заседанию 9 ноября (из двух запротоколированных) предшествовал обед за царским столом.⁴³ Поэтому прослеживаемые по камер-фурьерским журналам довольно частые появления «молодых друзей» за обеденным столом царской резиденции по понедельникам⁴⁴ позволяют предполагать регуляр-

⁴⁰ Александр I — Чарторижскому, 14 (26) ноября 1806 г. — В кн.: Мемуары князя Адама Чарторижского..., т. II, с. 149—150. — Датируется по копии строгановского архива: ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 42, л. 79.

⁴¹ Чарторижский — Александру I, 15 (27) ноября 1806 г. — ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 42, л. 81.

⁴² 26 октября, 9 ноября 1803 г.

⁴³ КФЖ, 1803, июль—декабрь. СПб., 1903, с. 323.

⁴⁴ 15 сентября, 13, 20 октября, 17 ноября, 1, 8, 15, 22 декабря 1802 г.; 12, 26 января, 2, 9, 23 февраля, 2, 9, 23, 30 марта, 13, 20 апреля, 4, 11, 18 мая, 3, 24 августа, 14 сентября, 2, 9 ноября 1803 г.; 4, 18 января, 1, 8, 15, 22 февраля, 7, 21, 28 марта, 4, 11, 18 апреля, 23 мая, 6, 27 июня, 11, 18 июля, 15, 29 августа, 7, 14, 28 ноября, 12 декабря 1804 г.; 13, 20 марта, 3 апреля 1805 г. См.: КФЖ, 1802, июль—декабрь, с. 188—189, 239, 253, 320—321, 363, 383, 403, 413; 1803, январь—июнь. СПб., 1903, с. 45, 74, 92, 113—114, 142, 158, 205, 224, 271, 287, 325, 348, 384—385; июль—де-

ность занятий Негласного комитета, однако не доказывают ее, ибо остается неизвестным, все ли совместные обеды по понедельникам влекли за собой в 1803 г. заседания, в то время как из двух сохранившихся протоколов этого времени можно заключить, что заседания происходили и в те понедельники, когда члены комитета не собирались за обедом. Таким образом, сохранившихся протоколов 1803 г. явно недостаточно для того, чтоб судить о регулярности занятий Негласного комитета даже в 1803 г., не говоря уже о всем периоде в целом. Поэтому этот вопрос остается открытым.

Однако независимо от решения данного вопроса можно утверждать, что строгановские записи не дают полного представления о деятельности Негласного комитета, ибо более чем трехлетний период его существования, характеризующийся, как можно полагать, увлечением внешнеполитической деятельностью, оказался не отраженным в его протоколах.

Таким образом, отсутствие протоколов за столь значительный период времени, явившееся следствием частного характера строгановских записей, по-видимому, привело к несколько искаженному представлению о Негласном комитете как об органе, в деятельности которого внешнеполитические проблемы занимали весьма незначительное место. Вместе с тем частный характер строгановских записей делает невозможным изучение отраженных в протоколах Негласного комитета внутриполитических проблем (одной из важнейших среди них явилось изменение государственного строя России) без определения достоверности этих протоколов.

Существенным элементом определения достоверности протоколов Негласного комитета является выяснение вопроса о времени и способе их составления. Принято считать, что строгановские записи являются мемуарами. Основным аргументом в пользу мемуарного характера записей Строганова служит протокол заседания 16 марта 1802 г. Г. Г. Тельберг, первым высказавший эту точку зрения, обнаружил, что в данном протоколе вначале идет речь об обсуждении проекта указа о правах и обязанностях Сената, который был издан 8 сентября 1802 г., а потом без всякого перерыва — о прениях, вызванных подготовкой указа 21 марта 1803 года,⁴⁵ т. е. о событиях, случившихся почти на год позднее той даты, которой помечен заголовок протокола.⁴⁶ А. В. Предтеченский, обнаружив в той же записи заседания 16 марта 1802 г. фразу «несколько дней спустя», при-

кабрь, с. 94, 143—144, 200, 308, 323; 1804, январь—июнь. СПб., 1903, с. 33, 74, 102, 131, 145, 159—160, 196, 229, 247, 259, 276—277, 293, 406, 437—438, 473; июль—декабрь. СПб., 1904, с. 24, 40, 154, 178, 341, 360, 399, 443; 1805, январь—июнь. СПб., 1904, с. 160, 173, 174, 207—208.

⁴⁵ Séance du 16 Mars 1802, с. 185—187.

⁴⁶ Тельберг Г. Г. Сенат и «право представления...», с. 33.

вел новый аргумент в пользу мемуарного характера протоколов Негласного комитета.⁴⁷

Стараясь объяснить хронологическую путаницу, допущенную Строгановым, Г. Г. Тельберг затронул вопрос о способе составления протоколов. По мнению Г. Г. Тельберга, Строганов не всегда успевал довести запись заседания до конца и, чтобы на-верстать пробелы, оставлял в своей рукописи чистые страницы. Так, не закончив запись заседания 16 марта 1802 г., Строганов оставил чистый лист, когда же много лет спустя он захотел восполнить этот пробел, память изменила ему и он описал прения, имевшие место в связи с подготовкой указа 21 марта 1803 г.⁴⁸

Однако подлинная рукопись Строганова не подтверждает выводов Г. Г. Тельберга. Рукопись протокола 16 марта 1802 г. отличается от всех протоколов 1802 г. тоном чернил, а бумага, на которой она написана, — филигранями и форматом.⁴⁹ Сохранившаяся старая пагинация данного протокола свидетельствует о его чужеродности протоколам 1802 г. В настоящее время все протоколы Негласного комитета переплетены в три книги. Первая включает все протоколы с 24 июня по 30 декабря 1801 г.,⁵⁰ вторая — с 3 января по 31 марта 1802 г.,⁵¹ третья — с 11 апреля 1802 по 9 ноября 1803 г.⁵² Старая пагинация второй книги совпадает с ее новой пагинацией до протокола 10 марта 1802 г. включительно — 1—58. Протокол 16 марта 1802 г. имеет старую пагинацию — 1—7, 18, 19.⁵³ Старая пагинация всех последующих протоколов второй книги, начиная с протокола 17 марта 1802 г., — 59—94.⁵⁴ Старая нумерация страниц третьей книги продолжает прежнюю нумерацию второй книги до протокола 12 мая 1802 г. включительно — 95—160.⁵⁵ Протокол 26 октября 1803 г. имеет старую пагинацию — 1—10.⁵⁶ У записей 27 октября, 4 и 9 ноября 1803 г. прежней пагинации нет вовсе.⁵⁷

Таким образом, первоначально протоколы составляли два корпуса, первый заключал в себе протоколы за 1801 г., второй (л. 1—160 старой пагинации) объединял все протоколы за 1802 г., сшитые ныне во второй и третьей книгах (ед. хр. 11 и 12), исключая протокол 16 марта 1802 г., а также все записи 1803 г. Палеографические особенности протокола 16 марта

⁴⁷ Предтеченский А. В. Очерки..., с. 91—92.

⁴⁸ Тельберг Г. Г. Сенат и «право представления...», с. 33.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 11, л. 59—67. — Все протоколы 1802 г. написаны на бумаге с филигранью «Pro Patria», протокол 16 марта — на бумаге с филигранью «Britannia».

⁵⁰ Там же, ед. хр. 10, л. 1—153 об.

⁵¹ Там же, ед. хр. 11, л. 1—103.

⁵² Там же, ед. хр. 12, л. 1—160.

⁵³ Там же, ед. хр. 11, л. 59—67.

⁵⁴ Там же, л. 68—103.

⁵⁵ Там же, ед. хр. 12, л. 1—66.

⁵⁶ Там же, л. 67—76.

⁵⁷ Там же, л. 77—97.

1802 г. прослеживаются и в записях 1803 г. Наконец, в заглавии у данного протокола можно различить первоначальную дату — 16 марта 1803 г.⁵⁸ Из этого можно сделать вывод, что протокол, опубликованный в качестве записи заседания 1802 г., является на самом деле протоколом заседания 16 марта 1803 г., ошибочно включенным в протоколы 1802 г. при переплетении двух корпусов протоколов в три книги, в результате которого к записи Строганова за 1802 г. были присоединены сохранившиеся в строгановском архиве случайные записи 1803 г., не являющиеся, как указывалось выше, протоколами.

Это наблюдение позволяет сделать два вывода. Во-первых, прения о правах Сената, рассматривавшиеся исследователями как обсуждение проекта указа 8 сентября 1802 г., являются в действительности прениями, развернувшимися в связи с подготовкой указа 21 марта 1803 г., аннулировавшего в значительной степени указ 8 сентября 1802 г., что делает необходимым внесение поправок в трактовку политической программы «молодых друзей», основанную на представлении о двойственной природе протокола 16 марта. Во-вторых, запись 16 марта 1803 г. отражает иной прием, чем тот, использование которого предполагал Г. Г. Тельберг.

Протокол 16 марта 1803 г. открывается фразой: «Его величество сказал, чтоб мы пришли к нему сегодня»,⁵⁹ — свидетельствующей о том, что запись сделана в этот же день. В конце протокола поставлен ограничительный знак (∕), указывающий, что данная запись закончена.⁶⁰ Фраза «несколько дней спустя» содержится в приписке на полях.⁶¹ Из этого следует, что, завершив написанный в день заседания протокол,⁶² Строганов дополнял его приписками на полях несколько дней спустя.

Вместе с тем чистые листы, оставленные в рукописи Строганова, не имеющие ограничительного знака и позволяющие выявить шесть незавершенных записей,⁶³ свидетельствуют о том, что наряду с вышеотмеченным приемом Строганов пользовался иногда и приемом, употребление которого предполагал Г. Г. Тельберг. Это делает невозможным определение точного времени написания протоколов, ибо, начав запись в день заседания, Строганов мог

⁵⁸ Там же, ед. кр. 11, л. 59.

⁵⁹ Séance du 16 Mars 1803, с. 185.

⁶⁰ Там же; ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. кр. 11, л. 67.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. кр. 11, л. 61 об.

⁶² Протоколы 24 июня, 23, 29 июля, 5, 13, 26 августа, 4, 18, 21 ноября, 9, 23 декабря 1801 г.; 3 февраля 1802 г.; 16 марта, 9 ноября 1803 г. содержат упоминание о дне заседания как о сегодняшнем (Conférences avec l'Empereur, 1801, с. 62, 76, 80, 84, 96, 102, 108, 120, 139, 144; Séances du Comité. 1802. с. 174, 189, 241).

⁶³ Conférence du 1 Juillet 1801, недатированный августовский протокол, ошибочно опубликованный как продолжение, Conférence du 13 Août 1801, с. 94—95, Conférence du 26 Août 1801, Conférence du 11 Septembre 1801, Séance du 27 Janvier 1802, Séance du 9 Novembre 1803.

завершить ее некоторое время спустя. Однако этого еще недостаточно, чтобы рассматривать протоколы Негласного комитета как мемуары, написанные несколько лет спустя, ибо срок завершения записи едва ли превышал время, отделяющее одно заседание от другого,⁶⁴ которые в большинстве случаев, как уже отмечалось, происходили еженедельно.

Поэтому записи Строганова, пожалуй, могут быть определены как дневник, который, исключая возможность серьезных искажений, вызванных «дефектом памяти», вместе с тем имеет другой существенный недостаток, свойственный дневнику как историческому источнику. Дискуссии по внутривосточным проблемам, обсуждавшимся в Негласном комитете, пройдя через призму личного восприятия «самого пылкого», по определению Чарторижского,⁶⁵ члена этого органа, не будучи удостоверенными другими его членами, оказались отраженными в протоколах в сильно искаженном виде. В этом нетрудно убедиться, если обратиться к анализу содержания строгановских записей.

Одним из главных вопросов, обсуждавшихся в Негласном комитете, явилась сенатская реформа, начало которой было положено указом 5 июня 1801 г., предписывающим Сенату представить доклад о своих правах и обязанностях. Для изучения того, как обсуждалась сенатская реформа в Негласном комитете, едва ли не самым важным является заседание 5 августа 1801 г., на котором была прочитана составленная Новосильцевым от имени «молодых друзей» записка, анализирующая доклад Сената, представленный в осуществление указа 5 июня 1801 г.

«Главным основанием провозглашенных Новосильцевым принципов, — излагает Строганов его записку, — было то, что нельзя считать Сенат законодательным учреждением». Это вытекает из принципа его основания при Петре I, «ибо президент, держащий в руках всю власть, может иметь с подчиненными ему при таком управлении лишь отношения хозяина и управляющего. Подобная организация не позволяет и думать о вручении столь важной власти учреждению, которое прежде всего по своему составу не может заслужить доверия нации и которое, впрочем, состоя из лиц, назначенных монархом, не дает обществу возможности участвовать в создании законов... С другой стороны, император, предоставив им такие широкие права... так бы связал себе руки, что не смог бы выполнить всего задуманного им на благо нации, находя в невежестве этих людей препятствия, которые могли бы иметь очень опасные действия и всегда неприятную борьбу между монархом и нижестоящими властями.

⁶⁴ Только о двух протоколах можно сказать, что они написаны после следующего заседания. Это уже упоминавшийся протокол 12 мая, содержащий сведения о вопросе, обсуждавшемся на следующем заседании, дата которого неизвестна, и недатированный августовский протокол, суммарно излагающий содержание двух заседаний.

⁶⁵ Мемуары князя Адама Чарторижского..., т. I, с. 236.

Все эти соображения привели Новосильцева к выводу, что надо ограничиться предоставлением Сенату судебной власти, но таким образом, чтоб он пользовался ею со всей возможной полнотой и всецело освобожденной от опеки прокуроров и генерал-прокурора». Учреждение верховной палаты суда и обеспечение правосудия приведет к увеличению доверия народа к правительству. «Вывод записки Новосильцева, — завершает изложение Строганов, — состоял в том, что император может утвердить доклад Сената, поскольку он не противоречит вышеотмеченным принципам».⁶⁶

А. В. Предтеченский, подвергнув запись заседания 5 августа 1801 г. тонкому анализу, пришел к выводу, что «Строганов чего-то не досказал». «В самом деле, — писал А. В. Предтеченский, — если Новосильцев в стремлении ограничить права Сената одними судебными функциями хотел опереться на свое толкование компетенции петровского Сената, то тогда зачем ему понадобилось рассуждение, что Сенат не является законодательным учреждением?».

На вопрос, поставленный А. В. Предтеченским, частично можно найти ответ в той части строгановской записки, где излагаются прения. «Молодые друзья» выступили против идеи о разделении властей, высказанной сенатором Г. Д. Державиным в особом мнении, приложенном к докладу Сената. «В большой степени именно из-за этих ложных идей Новосильцев был вынужден в своем докладе распространиться об истинных принципах разделения властей».⁶⁷

Уже одно это замечание Строганова дает возможность составить представление о небрежности его записей. Оказывается, Новосильцев в своей записке рассматривал сенатскую реформу с точки зрения идеи разделения властей, о чем Строганов даже не упомянул при изложении записки Новосильцева, и только случайно брошенная в другом месте фраза позволяет установить причину рассуждения Новосильцева о законодательной власти. Однако даже это замечание не устраняет ряда логических противоречий строгановской записки. Из толкования компетенции петровского Сената, приведенного Новосильцевым, нельзя вывести положения, согласно которому Сенат должен обладать только судебной властью. Более того, если Новосильцев стремился наделить Сенат только судебными функциями, то каким образом, не вступая в противоречие с самим собой, он мог призывать царя утверждать доклад Сената, в котором предлагалось расширить его власть как исполнительного органа?

Чрезвычайно важной как для изучения сенатской реформы, так и для определения достоверности строгановских записей, обычно рассматривавшихся исследователями в качестве единст-

⁶⁶ Conférence du 5 Août 1801, c. 86.

⁶⁷ Séance du Août 1801, c. 86.

венного источника, отражающего подготовку реформы в Негласном комитете, является сохранившаяся в бумагах комитета 6 декабря 1826 г. «Записка бывшего статс-секретаря Новосильцева».⁶⁸ При ознакомлении с ее содержанием нетрудно убедиться, что именно она была прочитана на заседании Негласного комитета 5 августа 1801 г.

Первое положение записки гласит, что Сенат, исходя из принципа его основания (смысл которого верно передал Строганов), «не есть сословие, имеющее какой-либо характер для воздержания верховной власти в законных ее пределах», т. е. не является конституционным учреждением. Из этой посылки вытекает, «что восстановление Сената... есть дело, не имеющее почти никакого сношения с учреждением места или мест, ограждающих через коренные государственные постановления никаким переменам не подверженные естественные права и законную свободу каждого члена общества».⁶⁹

С достаточной ясностью Новосильцев отделил реформу Сената от проблемы введения конституции, доказательству несвоевременности которой посвящена в значительной мере его записка, что, однако, не получило никакого отражения в записке Строганова.

По мнению Новосильцева, непременным условием существования места, «воздерживающего верховную власть в законных ее пределах», т. е. конституционного учреждения, является разделение властей и их полная независимость. Однако производить это разделение властей еще слишком рано, ибо «иным из них, а особливо власти законодательной (при нынешних обстоятельствах государства, когда в посредство оной еще не входит согласие Земли, несколькими лицами, от нее избранными, изъявляемое), отнюдь еще не следует быть в иных руках, кроме самого государя, иначе все законы издаваемые были бы почитаемы не только действиями насилия, но и таковыми еще, кои не несут на себе священного характера, обязующего народ к повиновению».⁷⁰

Таким образом, невозможность наделения Сената законодательной властью аргументировалась Новосильцевым не столько отсутствием выборности сенаторов, как об этом сообщает запись Строганова, сколько несвоевременностью умаления законодательных функций самодержца ввиду сильного морально-политического воздействия, оказываемого неограниченной самодержавной властью на народные массы. Сохранение этого воздействия в настоящий момент Новосильцев считал необходимым для удержания народных масс в повиновении.

Исходя из необходимости сохранения абсолютизма в данный момент (это следует особо подчеркнуть, ибо, как будет показано

⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 1167, оп. 16, ед. хр. 9, л. 1.

⁶⁹ Там же, л. 12—12 об.

⁷⁰ Там же, л. 14—14 об.

ниже, Новосильцев не отвергал конституционного преобразования государственного строя в будущем), автор записки подходил к реформе Сената, цель которой он видел в том, «чтоб истребить в народе то печальное, но несчастными опытами недавних времен оправданное впечатление, что нет Правосудия, нет судебного верховного места, открывающего в недрах своих убежище невинно угнетенному, и что право, равно как и посторонние выгоды, приобретается единственно через подлые происки».⁷¹ В соответствии с этим Новосильцев предлагает произвести «лучшее распределение дел по департаментам» и освободить Сенат от опеки генерал-прокурора.

Таким образом, считая необходимым усовершенствовать административный аппарат самодержавия и укрепить политический авторитет абсолютизма посредством смягчения административного произвола, но вовсе не имея в виду превратить Сенат в учреждение с сугубо судебными функциями, как гласит запись Строганова, Новосильцев предлагал императору утвердить доклад Сената.⁷²

Сравнение записки Новосильцева с изложением ее содержания в записи 5 августа 1801 г. показывает, что Строганов не только не передал хода основной мысли Новосильцева, но, используя приводимые в записке аргументы, исказил ее суть. Трудно сказать, явилось ли положение о вручении Сенату только судебной власти результатом неудачно построенной фразы,⁷³ или же Строганов невольно вложил в уста Новосильцева свое понимание сенатской реформы. Во всяком случае запись 5 августа 1801 г. свидетельствует как о небрежности, с которой составлялись протоколы, так и о некотором «политическом легкомыслии» их составителя.

Анализ записи 5 августа 1801 г. показывает, с какой осторожностью надо подходить к сведениям, почерпнутым из протоколов Негласного комитета, публикация которых служит основным источником исследований, затрагивающих те или иные стороны его деятельности. При этом нельзя не учитывать, что небезупречные в своей достоверности записи Строганова сверх того оказались искаженными археографическими приемами автора их публикации. Укажем на некоторые из них.

«Молодые друзья» разделили работу, которую должен был проделать Негласный комитет, на три части: изучение состояния государства, административные реформы, создание конституции. На первом же заседании Александр выразил нетерпение, сообщает запись Строганова, перейти к третьей части работы, «спросив, занимались ли мы составлением плана, которому надо сле-

⁷¹ Там же, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 9, л. 15—15 об.

⁷² Там же, л. 16, 17.

⁷³ On devait se borner à mettre le pouvoir judiciaire entre les mains du Sénat et de manière qu'il l'exerce avec toute la plénitude possible. Conférence du 5 Août 1801, с. 85.

довать в этом вопросе». В публикации Николая Михайловича ответ Новосильцева передан следующим образом: «Новосильцев ответил утвердительно и в нескольких словах попросил у него разъяснения этого». («M. Novossiltsoff répondit que oui et lui dit en peu de mots de demander des éclaircissements là-dessus»).⁷⁴ Однако в рукописи ответ Новосильцева выглядит по-другому: «Новосильцев ответил утвердительно и в нескольких словах сказал ему» («M. Novossiltsoff répondit que oui et lui dit en peu de mots»). Фраза осталась незаконченной, за ней следует заполненная пунктиром лагуна, а на полях имеется приписка Строганова: «Это требует разъяснения» («Demande des éclaircissements là-dessus»).⁷⁵

Таким образом, Строганов затруднялся передать, каковы же были планы Новосильцева в начале деятельности Негласного комитета в отношении создания конституции.⁷⁶ Издатель же протоколов, напротив, не испытывал никакого затруднения при передаче этого места записи Строганова: сконструировав, не оговоря этого, из оборванного предложения и приписки на полях одну фразу, он искажил смысл важного фрагмента.

Точно так же поступил Николай Михайлович и при передаче другого очень существенного для понимания проектируемых «молодыми друзьями» реформ фрагмента записи 21 апреля 1802 г.

На этом заседании читался составленный Новосильцевым проект организации министерств, в котором говорилось об ответственности министров перед Сенатом, о праве последнего требовать отчета у первых. Против этого пункта выступил Александр, заявив, что Сенат никогда не обладал таким правом. При этом он добавил, что «если хотят сделать из Сената только высший суд,⁷⁷ то данное право находится в противоречии с этим намерением. Новосильцев ответил, что его величество прав».⁷⁸

По этому поводу А. В. Предтеченский заметил: «Александр верно подметил противоречивость установок „молодых друзей“: с одной стороны, всяческое стремление превратить Сенат только в судебное учреждение, с другой же — представить ему такое громадное расширение административных функций, как контроль над деятельностью министров. Ни записки Строганова, ни протоколы Негласного комитета не дают материалов для ответа на вопрос, как сам Строганов объяснял это противоречие».⁷⁹

⁷⁴ Résultat d'une conférence avec l'Empereur le 24 Juin 1801, с. 63.

⁷⁵ ПГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 10, л. 3 об.

⁷⁶ Неясностью этого вопроса для Строганова, быть может, и вызвано его умолчание об отношении к конституции при изложении записки Новосильцева 5 августа 1801 г.

⁷⁷ Строганов выступал с этой идеей. См. проект реформы Сената в кн.: Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов... т. 2, с. 301; Séance du 9 Décembre 1801, с. 138—143.

⁷⁸ Séance du 21 Avril 1802, с. 216.

⁷⁹ Предтеченский А. В. Очерки..., с. 126.

Однако замечание А. В. Предтеченского справедливо лишь по отношению к публикации протоколов Негласного комитета, ибо согласие Новосильцева с замечанием Александра является плодом неудачной интерпретации рукописного текста при его публикации. В самом деле в рукописи вышеуказанная фраза, завершающая лист, выглядит следующим образом: «Новосильцев ответил, что его величество» («M. Novossiltsoff répondit que Sa Majesté avait»).⁸⁰ На л. 33, начинающемся словами «в следующей статье», написанными с прописной буквы, излагаются обязанности товарища министра, что не имеет никакого отношения к затронутому вопросу.оборот л. 33 остался чистым. Следующий л. 34 начинается словами: «gouté l'idée pour rapprocher davantage la justice des justiciables».

Автор публикации для придания большей связности записи Строганова закончил незавершенную фразу, написанную на обороте л. 32, — «M. Novossiltsoff répondit que Sa Majesté avait», — прибавив к ней слово «raison». Следующий л. 33 рукописи Николай Михайлович напечатал с заглавной буквы, закончив весь абзац, помещенный на этом листе, примечанием, в котором он сообщил о наличии чистого листа (33 об.). Фразу, открывающую л. 34 рукописи, автор публикации напечатал с прописной буквы, предпослав ей многоточие.⁸¹ Таким образом, Николай Михайлович, без всяких оговорок вложив в уста Новосильцева согласие с императором, покончил с этим вопросом и перешел к следующему. Текст л. 34 не удалось ни с чем связать, поэтому он оказался выделенным в отличие от текста л. 33 как фрагмент, не имеющий начала.

Между тем обсуждавшийся в Негласном комитете проект организации министерств свидетельствует, что XIX статья, трактующая обязанности товарища министра, не могла быть «следующей» по отношению к статьям XIV—XVI, провозглашавшим ответственность министров перед Сенатом,⁸² ибо из протокола заседания 21 апреля 1801 г. следует, что Новосильцев читал свой проект по порядку помещенных в нем статей.

Если отбросить текст л. 33, содержащий изложение XIX статьи и нарушающий очередность статей проекта, то получаем следующее: на замечание Александра «Новосильцев ответил, что его величество одобрял идею о рассредоточении департаментов Сената в различные губернии, чтобы сблизить правосудие с теми, кто подлежит ему; тогда первый департамент остался бы здесь, его нельзя лишить административных функций, но это право могло бы превратить его некоторым образом в зародыш верхней палаты» («M. Novossiltsoff répondit que Sa Majesté avait goûté

⁸⁰ Séance du 21 Avril 1804; ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 12, л. 32 об.

⁸¹ Séance du 21 Avril 1802, с. 216.

⁸² Проект организации министерств см.: Архив ЛОИИ, к. 115, оп. 1, ед. хр. 1186, л. 32—41.

l'idée pour rapprocher davantage la justice des justiciables, de distribuer les départements du Sénat dans différentes provinces de l'Empire; qu'alors le premier département resterait ici, qu'on ne pouvait pas le départir de ses fonctions administratives, mais que ce droit pourrait le faire devenir l'embryon en quelque façon d'une chambre haute».⁸³

Полученный ответ Новосильцева совпадает с упоминанием в мемуарах Чарторижского о намерениях «молодых друзей» в будущем превратить Сенат в верхнюю палату (chambre haute). Чарторижский сообщает также о выборности членов верхней палаты,⁸⁴ о чем, однако, не обмолвился Новосильцев. С одной стороны, нельзя не учитывать, что сообщение о выборности членов верхней палаты исходит из уст автора записки о будущем государственном устройстве России, обсуждение которой, как было показано выше, не получило отражения в протоколах Негласного комитета и, следовательно, осталось неизвестным исследователям. С другой стороны, нужно принять во внимание, что упомянувший о верхней палате Новосильцев на заседании 17 марта 1802 г. сообщал о передаче Лагарпу записки о будущем государственном устройстве России, предназначавшемся к тому времени, когда можно будет ввести представительный образ правления.⁸⁵ Поэтому сообщение о выборной верхней палате как существенном элементе будущего государственного устройства России в планах «молодых друзей», первым шагом к которому явилось учреждение министерств, сообщение, достоверность которого подвергалась сомнению ввиду отсутствия упоминаний об этом в протоколах Негласного комитета, должно быть принято во внимание.

Таким образом, восстановление подлинного смысла записки 21 апреля 1802 г. и его значение для понимания планов «молодых друзей» свидетельствуют, что археографический уровень публикации протоколов Негласного комитета делает необходимым при их изучении обращение к рукописным подлинникам.

Вместе с тем вышеотмеченные особенности протоколов показывают, что использование строгановских записей в качестве основного источника изучения деятельности Негласного комитета является также недостаточным без привлечения прочитанных его членами докладов, на поиск которых должно быть обращено внимание исследователей. Эти два обстоятельства нужно учитывать при рассмотрении социально-политических реформ, обсуждавшихся в Негласном комитете в первые годы XIX в.

⁸³ Séance du 21 Avril 1802, с. 216. — Происхождение л. 33 можно объяснить тем, что, случайно перевернув лишний лист в некоторое время спустя заметив его, Строганов вписал в него изложение XIX статьи, явившее только одну страницу.

⁸⁴ Мемуары князя Адама Чарторижского. . . , т. I, с. 271—272.

⁸⁵ Séance du 17 Mars 1802, с. 192.